

ОТ АВТОРА

Любезные дамы и господа!

Представляю на Ваш суд свой роман «Остров традиции».

Следует учесть, что писать его я начал в конце 1988 г., в разгар горбачёвской «перестройки». По мере того, как она заходила в своё развитие всё дальше, мне рисовались всё более мрачные картины будущего, нашедшие в романе своё отражение. Потом я почти на два десятилетия свой роман забросил, так как не был уверен, что мне хватит способностей получить желаемый эстетический результат. Но все эти 20 лет юношеский замысел будоражил меня, и я всё больше чувствовал себя Конрадом Мартинсенем — героем романа. И вот в 2011 г., не в силах больше жить чужой судьбой, я достал из-под спуда старые черновики и за два года добил роман до конца, ни в одном пункте не отступив от задумки двадцатилетней давности.

Если кому-то вдруг мой роман покажется «антирусским», спешу заверить: я — русский, патриот своего Отечества и православный: читайте внимательно. «Страна сволочей» — всего лишь аллюзия к есенинской «Стране негодяев». Но прежде всего я — патриот великой русской литературы и великого русского языка. Своим романом я старался в меру сил воздвигнуть им «нерукотворный памятник». Спешу разочаровать также тех, кто ждёт от книги скрупулёзного воссоздания и анализа событий на «злобу дня», пусть и вчерашнего. В центре романа — уникальная судьба Конрада Мартинсена, которую я не мог не увековечить в слове, ибо много прошло по страницам литературы разных героев, но такого, как Конрад, нарисовать суждено было только мне. О том и речь.

*Искренне Ваш
Василий Сосновский*

*Ни в сюжете, ни в тексте не надо искать
никаких мифологем. В условиях длительного
кислородного голодания мифы дарят надежду.
А нужен — кислород.*

СЕЗОН ПЕРВЫЙ

ЛЕТО

1. В СТРАНЕ СВОЛОЧЕЙ

Здесь не любили плохо одетых людей. Не в том дело, что сами были одеты хорошо, а в том, что стремились одеваться лучше. Чтобы комильфо. А когда не комильфо, здесь не любили.

Сей Ишак С Педалями был одет однозначно плохо, и его не полюбили. Ишак, ибо не полюбили. С педалями, ибо на велосипеде. Его Стефан так прозвал — Ишак С Педалями. Как увидел, так сразу и прозвал. Стефан был одет хорошо.

Итак, плохо одетый правил велосипедом. Стефан видел: не умеет. Велосипед швыряло влево и вправо к обочинам. Ещё чуть-чуть, и навернётся в поросшую крапивой канавку, отделяющую асфальтовую дорогу от дощатых дачных заборов. Стефан хотел, чтобы так случилось. Так не случилось: неловкий велосипедист ценой титанических усилий в самый критический миг выпрямлял вихляющийся руль и вычерчивал новый зигзаг синусоиды.

Стефан пресытился зрелищем человеческой беспомощности и отошёл от калитки. Он слышал, как за его спиной цепные цепберы по цепочке на протяжении всего дачного проулка заливались лаем, чтобы охаять незваного оборванца. Волна возмущённого гавканья подкатывалась всё ближе, и когда характерным тенором затыкал соседский кобель Бобик, Стефан вновь оборотился: несомненно, Ишак С Педалями рулит сюда.

Действительно: асфальтовая дорога кончалась, и два ряда заборов перпендикулярно утыкались в тупиковый забор, за которым стебался хорошо одетый Стефан. Оставалось проехать метров десять по траве. Плохо одетый был вынужден тормозить. По такому случаю на его лбу, изрядно изжёванном морщинами, выступила испарина, а в потухших глазах проступил тихий ужас. Сюрпляс. Переднее колесо вместе с рулём задёргалось в конвульсиях, ездок поспешно принялся перекидывать ногу через раму, но велосипед кренился набок ещё поспешнее, и он-таки с грохотом упал, придавив ногу непутёвого владельца. Последний, испытывая физическую боль и досаду, не очень внятно, но грязно выругался.

Стефан стоял в раю, под сенью цветущих фруктовых деревьев, преисполненный наслаждения и злорадства. У самых врат рая валялся потерпевший крушение велосипедист и созерцал затухающее вращение торчащей вверх педали. Он напоминал полудавленного таракана — хлопнулся на спину, а перевернуться никак. Солидный рюкзак на плохо одетой спине чинил препятствия.

Лишь где-то минут через пять Ишак (уже Без Педалей) выкарабкался из-под велосипеда. И как-то неохотно, вяло дёрнул на себя калитку. Калитка не послушалась и на второй, и на третий, и на пятый раз. Вообще-то имелся звонок, но неожиданный визитёр, по-видимому, был зачарован однообразным ритмом своих бессмысленных движений.

Стефану сделалось противно, он зычно позвал кого-то и скрылся в глубине сада, в гуще деревьев. Приезжий методично дёргал калитку.

От калитки косая дорожка вела на крыльцо двухэтажного коттеджа, выкрашенного в зелёный цвет, с шиферной крышей. На крыльцо вышла молодая, с распущенными тёмными волосами, женщина в халате и неторопливо двинулась в направлении калитки. Эффект её появления, приближения и просто внешности был ошеломляющ настолько, что плохо одетый оставил калитку в покое и встал как вкопанный.

Женщина смерила его колючим взглядом и жёстко спросила:

— Вам кого надо?

С губ незнакомца сорвался слабый шорох. Чуткое ухо женщины не уловило ничего членораздельного.

— Кого-кого?

— Я хотел бы видеть господина профессора Иоганнеса Клира, — повторил незнакомец. Если ему таки удавалось издать звуки, то где-то секунды через полторы после движения артикуляционных мышц. Так работают под фонограмму начинающие эстрадные певцы.

— Профессор Клир болен и никого не принимает.

— Да?.. Как жаль... — приезжий точно засох на корню или превратился в соляной столп. Женщина между тем бомбардировала его гипнотическими флюидами, желая ему скорее исчезнуть. Не действовало.

— Вы понимаете... — опять загугнил незнакомец. — Я... приехал издалека. Я хотел увидеть профессора. Это всё, что мне сейчас нужно. Я хотел...

— Ничем не могу вам помочь, — чётко и звучно отрезала женщина.

Пришелец издалека опять на какое-то время заснул стоя.

— Скажите... — децибел в его голосе не прибавилось, но шелест губ окрасился угрожающе-свистящими призывками. — ... насколько серьёзно болен профессор? Если я найду ещё раз... скажем, через неделю... могу ли я надеяться, что...

— Нет, не можете. Профессору нужен покой.

Стоптаный сандалет незнакомца отфутболил подвернувшийся сук, бедняга сгорбился, почти достав подбородком солнечное сплетение. Но в это время откуда-то сверху послышался треск распахиваемой двери, и нетвёрдым запинаящимся шагом на веранду второго этажа коттеджа выгреб седенький очкастый дедулька с палочкой, скрюченный даже в большей степени, чем изрядно сутулый незнакомец.

— Анхен, кто там? — спросил он дребезжащим неуправляемым голосом.

— Папа! — эффектная женщина укоризненно посмотрела наверх. — Ты же обещал не вставать!

— Я обещал? Кому я обещал? Я не таракан какой, прятаться по тёмным углам, — отвечал дедулька. — Без воздуха скорей зачыхну.

Пришелец не подымал головы, хотя определённо проникся, что сии дребезжащие звуки издаёт не кто иной, как желанный господин профессор Иоганнес Клир.

— Кто там?.. Дапусти ты его... мне на обозрение... — прошамкал профессор.

Женщина криво усмехнулась, ловким движением отодвинула щеколду и распахнула калитку. Незнакомец, оглоушенный внезапной милостью, потоптался-потоптался и боком втиснулся на территорию сада.

— Беседует, понимаете, с молодым мужчиной, а от отца скрывает... Ай-яй...

— Ну, пап...

— Здравствуйте, господин профессор, — натужно крикнул вторгшийся пришелец.

— Так это ко мне? Я же понимаю: ко мне. Так что ж ты мурыжишь гостя, скажи на милость?..

— Какие нынче гости...

— В кои-то веки гости! — старикан затопал ногами и затряс клюшкой. — Можно подумать у нас тут каждый Божий день светские рауты... Молодой человек, не бойтесь вы её... не обращайтесь... я понимаю, для мужика это невозможно, но... я, извините, сам страдаю от тиранства собственной дочери... Мой ангел-хранитель и целитель... видите ли. Охраняет меня от ненужных эмоций. Проходите... я сейчас спущусь.

— Ну куда ты спустишься... Остайся наверху, — закричала женщина. — Папа очень плох... — бросила она пришедшему в себя визитёру, паралингвистическими средствами добавляя: ишь, принесла тебя нелёгкая...

— Извините, — прошелестел гость, двигаясь в сторону дома.

Женщину, которую, очевидно, звали Анной, тут же справилась у незнакомца, кто он есть, и оказалось, что Кónрад. Поскольку эта информация была чересчур скудна и, неизвестно, достоверна ли, Анна затребовала документальное подтверждение.

Тогда Конрад сунул руку за пазуху. Анна отпрянула и подняла руку перед собой, опасаясь, что нахальный интервент достанет из-за пазухи камень. А зря опасалась. В руке Конрада оказался маленький целлофановый пакет с изображением синего бройлера. В пакете лежали четыре «корочки».

Конрад бережно достал их: три красные и зелёную.

— Здесь вся моя биография.

— Меня как-то мало волнует ваша биография.

— Не удивляюсь. Она никого не волнует.

Анна раскрыла самую потрёпанную красную «корочку», сиречь персональ-аусвайз гражданина Страны Сволочей. Мартинсен, Конрад (написано было «Конрат»). Место рождения — столица. День рождения (тридцать один год назад). Национальность: «сволоч». Выдано 75-м полицейским управлением; дата (пятнадцать лет назад). Чей-то лихой росчерк. Фотокарточка — зелёный

вьюноша, шея тонкая, губки круглые, курчавая шевелюра до плеч. Анна подняла глаза: предъявитель сего был стрижен коротко, покрыт перхотью и притом основательно плешив. На следующей страничке помещалась фотография шестилетней давности, там ансамбль дополняла петушиная борода, растущая не столько из щёк, сколько из шеи.

— А почему в вашем персональ-аусвайзе столь грубые орфографические ошибки? — любопытствовала Анна.

— Я не исправлял. Сами знаете: за подделку документов...

— А потребовать заменить нельзя было?

— Когда полицию учат грамоте, она принимает это слишком близко к сердцу. Да что вы, право, сути это не меняет.

Анна собралась отдавать «корочку».

— Вы не всё посмотрели, — как обычно, на одной ноте просипел Конрад.

Анна не стала смотреть. Чего там было смотреть? Два штампа: «зарегистрирован брак...», столько же «зарегистрировано расторжение брака...» — всё где-то на отрезке лет в пять и всё дела давно минувших дней; в графе «Дети» — ничего, восемь штампов в графе «Прописка», штамп «Военнообязанный»... Всё.

Изучение второй красной «корочки» — самой тоненькой — отняло две секунды. Диплом (с отличием). Выдан Мартинсену Конраду в том, что он (четыренадцать лет назад) поступил в Столичный дважды ордена Боевого Штыка педагогический Институт всеобщего текстоведения имени Имярека и (девять лет назад) окончил полный курс названного института по специальности «всеобщее текстоведение». Решением государственной экзаменационной комиссии Мартинсену К. присвоена квалификация преподавателя связных текстов. Подпись, печать, дата.

От комментариев Анна воздержалась, но её глаза спрашивали: «На какой барахолке купил?» А может, не спрашивали, может, так Конраду почудилось.

Третья красная «корочка» являла собой Мобилизационный билет; в нём дублировались данные персональ-аусвайза, указывалась основная гражданская специальность и сообщались специфические военные сведения: № в/ч, должность — гальюнщик, дата зачисления в часть (три года назад), дата исключения из части (полгода назад), воинское звание — рядовой, наград не имеет, ранений-контузий тоже, на вооружении имел штык-нож, военно-учётная специальность: гальюнщик, размер противогаза и т. п. В графе «Сведения о медицинских освидетельствованиях» стояло два разноречивых штампа... до неё, впрочем, Анна не добралась.

Зелёная «корочка», самая толстая, с вкладышем, была вся густо испещрена записями и печатями. Это был Трудовой билет. Первая запись касалась учёбы в институте. Следующая гласила: «Направлен в НИИ листового железа на должность столоначальника». Следующая появилась, судя по всему, год спустя, а промежутки между дальнейшими составляли уже три-четыре месяца. Читать все было бы долго и мучительно. Анна обратила внимание, в частности, на такие:

- ✓ Средняя школа № 527; преподаватель связных текстов.
  - ✓ Выставочное объединение «Суперэкспо»; переводчик.
  - ✓ Продмаг № 62; подсобный рабочий.
  - ✓ Домохозяйство № 93; лифтёр.
  - ✓ Геологоразведочная экспедиция; отмывщик шляхов.
  - ✓ Больница № 28; санитар.
  - ✓ Фотолаборатория компрессорного завода; младший лаборант.
  - ✓ Киностудия «Цветофильм»; ученик звукооператора.
- Кончалось всё призывом в армию.
- Макса Горького вы, кажется, перещеголяли, — заключила Анна.
  - Ну вряд ли... Между школой и армией было всего четыре года. Великий же пролетарский писатель в двенадцать лет пошёл тарелки мыть.
  - Как вас в армию-то занесло? — спросила Анна, начиная оттаивать.
  - Мужчина вроде должен быть воином, — прокрихтел Конрад.
- Глаза Анны вновь обратились в сталь. Она ещё раз открыла мобилизационный билет и несколько раз перевела взгляд с измятого лица Конрада на записку «гальюнщик» и обратно.

Пока Анна, не скрывая недовольства гостем, нарочито быстро пролистывала «корочки», бесстыжий гость исподлобья пялился на её женские достоинства. Было на что пялиться. Анна была ростом ниже Конрада, но такая осанистая, что казалась выше. При всей утонченности черт, её лицо, не нуждавшееся в косметике, никак нельзя было назвать ни малокровным, ни малоохольным; в его неприступности таилась нездешность, но ни капли меланхолии. Своенравно, густо, немного змеясь, струились тёмно-шоколадные волосы, не знакомые с заколками и резинками; несколько прядей-отщепенек щекотали породистые купола груди — даже под столь просторным халатом, явно не стеснённые ни комбинацией, ни лифчиком, сосцы выступали с геометрической чёткостью; наверно, содержащимся в них молоком можно было напоить три палаты язвенников. Просторная хламида скрывала от глаз людских образцовую талию и классический таз — всё равно любой нормальный мужик, завидев Анну, неминуемо чуял бы покалывание в районе ширинки. Был ли нормальным мужиком Конрад, сказать сложно: он смотрел, собственно, не на Анну, а сквозь Анну, потягивая дешёвую сигаретку без фильтра, то и дело сплёвывая набившийся в рот табак.

Пробежал голопузый Стефан, играя мышцами.

— Ты куда, Стефан? — спросила Анна.

— Купаться, вестимо, — ответил Стефан. — На пруд.

Начинало припекать.

Профессор Клир возлежал на облезлом диване; мешком сидели на нём шаровары, клетчатая рубашка расплзлась на пупе. В головах валялась сплюснутая подушка без наволочки, в ногах — неопрятный ворох пожелтевших газет.

— Ну что, батенька, устроила вам моя дочка таможенный досмотр?

— Я думал, у вас особо злая собака, — признался Конрад.

— Да, был Трезор, был... Да весь вышел. Камнем в висок угостили... пацанва... Так вот, дочка меня — бережёт. Всю свою жизнь ради меня губит — в её-то годы бессменно при папаше... А папаша плох, совсем, видите ли, плох. Вот, грозился вниз спуститься — ан слабó: слез с кровати — а всё тело как стальными обручами сдавило.

— Я... я очень прошу простить... что я вас... потревожил. Мне, конечно, очень неудобно... — зачастил Конрад почти без интонаций.

— Да бросьте вы извиняться, молодой человек, — оборвал профессор. — С тех пор, как отставили от университета, людей живых почти не вижу. Раньше хоть соседи заходили, а дочка и тех распугала...

— Я вашу дочь понимаю, — вставил Конрад. — Времена такие, излишняя осторожность не повредит.

— Времена противные, — согласился профессор. — Хотя у меня информация скудная. Живу как на необитаемом острове; представления не имею, что творится. Вон гостит у нас парнишка — из столицы приехал — ну я затрахал его расспросами, он ко мне теперь и носа не кажет. Скучно ему со старым занудой. Прошлой осенью телевизор сломался... Стефан всё хорохорится: «Починю, починю»... а надо ли? — Передачи-то пошли кошматерные, всё хэви метал или как его там... Умные разговоры диктатура прикрыла. Вот... прессу штудирую, между строк читаю... весёлого, видать, мало... и приносят крайне нерегулярно... У почтальона месяцами запои, загулы — так и кукуем, ничего не ведаючи. Ждём, что в один прекрасный момент зайвится террорист с бомбой. Вы не террорист с бомбой?

— Нет.

— Я вижу, что нет. А дочка не уверена. На лбу не написано, кто вы такой. А всюду постреливают... Гражданская война, так?

— Война всех против всех, — (с ухмылкой).

— Да, да... А мы только догадываемся. Вон, «Истинную правду» два месяца не приносили.

— Так её закрыли, «Истинную правду».

— Как так закрыли?

— То ли ещё будет, профессор. На прошлой неделе «Ведомости» приказали долго жить; на очереди «Голос отечества».

— Вот оно что! Диктатура обойдётся без печатного слова!..

— Боюсь, всё куда проще, — комариный голосишко Конрада потихоньку раскачивался, крепнул, и даже дохленькие обертоны проскальзывали порой. — Во-первых, бумаги в стране нет и взяться ей неоткуда, потому как и леса почти не осталось.

— Стоп, — профессор, если бы смог, непременно подпрыгнул бы. — Ведь академик Эрлих в своё время разработал программу экологического возрождения, и государственный совет её одобрил...

— Одобрить одобрили, только не реализовали. Ни средств, ни желания. Опилки легче производить, чем хлорофилл. Самогон из них хороший.

— Так-с... Это же катастрофа! Мы и были-то на пороге катастрофы... Взяться бы за программу Эрлиха, неизвестно ещё, удалось ли бы кардинально что-то изменить...

— Ну... вот за неё и не взялись. «Научный вестник» поднял было бучу...

— И «Вестника»-то сто лет не видел...

— ... тут и его прикрыли. Через три года сволочи забудут, что такое бумага.

— Однако здесь есть и позитивные стороны, — вздохнул, осклабясь, профессор. — Бюрократам не на чем будет тискать инструкции.

— Но бумаги нет — не самое главное. А главное — слишком мало осталось людей, умеющих читать, и совсем не осталось умеющих писать.

— Да-да, — с жаром подхватил профессор. — Читаю газеты и не понимаю: не то заборно-сортирная лирика, не то «весёлые случаи на уроках родного языка»...

Было поколение. Счастливо начинало. Сокрушило идола, ревизовало религию. А как снова закрутили гайки, двадцать лет самоотверженно сражалось с ветряными мельницами и при малейшем изменении направления ветра пошло ва-банк. Тени перестрелянных отцов зывали к отмщению. Вытащили фиги из карманов, назвали вещи своими именами, поставили ребром вопросы. Профессор Клир был из этого поколения — он умел ставить вопросы. Тридцать лет назад, в первую «оттепель», он даже умел давать ответы — но теперь ответ должен был дать многомиллионный спившийся народ с порченным генофондом и в одних рубашках — которые к телу ближе. Народ, привыкший безмолвствовать, ответил смачными матюгами.

Страна Сволочей называлась страна. Она всегда была прекрасна и всегда была несчастна, имела в прошлом великую историю и необычайный духовный потенциал. Поколение Иоганнеса Клира было последним, пытавшимся творить великую историю и сохранить духовный потенциал.

Старое поколение стало, на три четверти вырубленное, поколение инфарктников и инсультчиков. Молодость всё знала, да знать не хотела, а старость-таки — не могла.

Заклинило. Угомонились.

Любящая дочь Анна отвела на беседу больного отца с плешивым пришельцем два астрономических часа. Но к исходу этих двух часов Конрад только-только подошёл к объяснению цели своего визита. Истосковавшись по новостям, профессор — Мастер Ставить Вопросы — заваливал гостя вопросами о том и о сём. Конрад отвечал, азартно жестикулируя и скрежеща зубами.

Вот спрашивал профессор: жив ли его сверстник и соратник Вернер Клепп? Конрад с готовностью отвечал: компания мальчиков, откушав анаши и C_2H_5OH погожим вечером просверлила дырочку в черепе погружённого в свои глубокие мысли учёного, и его талантливые мозги через эту дырочку вытекли

в непроходимую лужу посреди главного столичного проспекта. Профессор спрашивал: каков репертуар театра синтетического искусства? Конрад отвечал: в здании театра ныне кооператив по сбыту контрацептивов, репертуар кооператива скуден, а услуги стоят от восьми до десяти литров самогона, то есть недёшево; а что до труппы, так она разбежалась, после того как главреж г-н Эрих Никлаус, пережив душевный разлад в связи с отсутствием публики на спектаклях, слинял за кордон (по слухам, имеет успех). Профессор спрашивал, сколь свободно продаётся в магазинах спиртное, столь часто поминаемое собеседником. Конрад отвечал: а вообще не продаётся после серии аварий на винозаводах со многими тысячами жертв, зато правительственным указом сняты все ограничения на кустарное самогонование, и каждый, кто таковым увлекается (а увлекается как раз каждый) находится на самообслуживании. Профессор спрашивал: а как обстоят дела со снабжением населения продуктами. Конрад отвечал: а никак, если закрыть глаза на всё более частые случаи каннибализма, ибо все мясные породы скота поразили поголовный мор, так как оказалось, что травленные ядохимикатами корма — слишком суровое испытание для привередливых скотских желудков. Профессор менял предмет разговора: а как нонче насчёт прав человека — например, чинят ли препятствия желающим отъехать навсегда? Конрад хохотал: а чего чинить, все, кто что-то умел, давно уже отъехали, остальных же за граница сама кормить отказалась, — и подкреплял свои наблюдения статистикой: страну покинуло 79% членов профсоюза литераторов, 98% членов академии наук, а обладатели консерваторских дипломов — в полном составе. Недоумевал профессор: а что же вообще консерватории? Конрад успокаивал: а ничего, их больше нет — зато учреждён институт попсовой культуры, где учат диск-жокеев, как изящнее схомить, чтобы весь зал ржал. А как? — спрашивал профессор. Конрад мотал головой: когда-то за такое на пятнадцать суток гребли.

Собеседники двигались индуктивным путём — от частного к общему. И вот, когда любопытство профессора иссякло под натиском неутешительных фактов, когда взгляд его остекленел, а пульс катастрофически зашкалил, гость с большой земли набрался духу и перехватил инициативу.

Он наконец-то получил возможность представиться (Конрад Мартинсен и т. п.) Не преминул также добавить, что происходит из интеллигентной семьи. Затем вкратце изложил свою биографию, расцвечивая лирическими отступлениями факты, зарегистрированные в документах. Его рассказ изобиловал грязными ругательствами в адрес собственной персоны, посыпанием головы пеплом и битием себя в грудь. Затем Конрад обрисовал статус-кво: в настоящее время он демобилизованный солдат без средств к существованию, без надежды трудоустроиться, с расхристанной психикой и букетом внутренних болезней.

— Позвольте, — подивился впавший было в кому профессор. — Как же вы в таком... возрасте... попали в армию?

— То был свободный выбор, — сказал Конрад. — В своё время, когда мои сверстники облачились в хаки, я закосил по психстатье. Всё нормалёк было, статья в принципе неснимаемая, а после двадцати восьми — дыши совсем свободно... Да вот накануне этой знаменательной вехи я понял: нужна основательная

встряска, чтобы собрать себя по осколочкам воедино. И принял решение. Ринулся обивать военкоматские пороги. Сперва подумали — вконец мужик рехнулся. Всюду недобор — одни призывники внаглую уклоняются, у других — черепно-мозговые травмы, третьи — просто дебилы... И тут нате вам — доброволец... Прощёл переосвидетельствование, признали здоровым. То есть, конечно, не признали, но написали «здоров». Логика такая: чем ты, засранец, лучше нас? — Мы своё в траншеях отгорбатили, а ты на гражданке, лёжа на королеве красоты, птичье молоко попивал. Вот. Ну а дальше я знал: пан или пропал. Два исхода, то есть, видел: либо выхожу на дембель бывалым тёртым мужчиной без комплексов, либо друзья-однополчане, предварительно превратив меня в мясной рулет, великодушно засыпают хладный труп соломой, и — привет. И то, и другое было бы — выход. Случилось же нечто третье.

— Ага, себя не собрал и жив остался, — понимающе кивнул профессор.

Подробно Конрад остановился на шести месяцах после дембеля (переслужил почти полгода, отпустили, когда заблагорассудилось). Он в очередной раз потерял прописку, и причалить было некуда: родители далече, а друзей и подавно никогда не было. Устраиваться на работу в том социально-моральном климате, где иметь работу есть величайшее позорище и куда престижнее добывать себе на пропитание разбоем, грабежом, рэкетом или, на худой конец, спекуляцией, было, как говорят, новые поколения, в лом. Вообще — рыпаться, дёргаться, чесаться было определённно в лом. Хотелось одного — подбить бабки и отдохнуть. Изголодавшийся за тридцать месяцев по нормальному человеческому общению Конрад попал во власть идеи-фикс: отыскать какого-нибудь чудом уцелевшего мастодонта из недорезанной прослойки и покалякать с ним за смысл бытия. Легко сказать — отыскать: а) Конрад не располагал к себе незнакомых людей, не говоря уж о знакомых; б) как упоминалось, все, кто знал, сколько симфоний написал Бетховен, видел разницу между Гоголем и Гегелем и без запинки мог выговорить «экзистенциализм», всю паковали чемоданы и отвлекаться на пустяки не желали...

— А что же вам мешало отправиться по их стопам? — перебил профессор.

— Потом, если позволите. Долго, — отмахнулся гость. — Целый комплекс причин. Некоторые я назвал, но вы не уловили...

Короче, после долгих поисков Конрад совершенно случайно выяснил, что жив ещё профессор Иоганнес Клир, острый, независимый ум, некогда властитель интеллигентских дум, автор блистательных публицистических статей, редактор культурного и нравственного воспитания сволочей, кладезь энциклопедических познаний. На сбор справок о его местопребывании ушло три недели. Оказалось, этот реликтовый зубробизон вошёл в конфликт с администрацией университета, где преподавал на протяжении всей «перedelки» (второй и последней «оттепели»), и был с треском низвергнут, в результате чего перенёс очередной инфаркт, какое-то время ещё пыжился, писал для журналов, но следующий инфаркт доконал его вконец. И теперь, наполовину парализованный, он доживает свой век в глухомани, на даче, вдали от больших городов, буйных страстей и больных вопросов.

Стандартная сволочная ситуация: мужчины празднословят, базлают, базарят, а тем временем на кухне женщина готовит обед.

Красивая женщина.

Нынешние сволочи мало читали, а если кого и читали, то Льва Толстого. Он, кстати, очень хороший писатель. Лев Толстой прямо заявлял, что самого слова «красивое» нет в лексиконе людей, вынужденных добывать в поте лица своего скудный насущный хлеб. А коль скоро добытчиков хлеба насущного писатель почитал единственной солью земли, он низверг «красивое» с его красивого пьедестала и вычеркнул из списка подлинных ценностей. И многие согласились с ним: хлеб насущный годился в пищу, а «красивое» — разве что для причастия.

Когда Великий Катаклизм основательно перетряхнул прогнившую за тысячелетия пирамиду ценностей, всплывшие на гребне его бурных волн новые Главные Сволочи подсунили неглавным свою мерку, свой аршин, свою систему координат. И пожалуй, одно лишь усердие в добыче хлеба в качестве основополагающей добродетели не подверглось ревизии. И Страна Сволочей превратилась в Страну Некрасивых Людей, озабоченных хлебом единым, который «всему голова».

Но как сволочи ни лезли вон из кожи, хлеба становилось всё меньше и меньше, невзирая на то, что люди становились всё менее красивы.

И чуть перевалив за тридцать, женщина-сволочанка бывала прокручена в мясорубках, раздавлена в соковыжималках, раздроблена в кофемолках, вздрючена-навьючена, жилиста-жириста, тело искорёжено коррозией, душа в порослях коросты, становишься ниже ростом, волосы — водоросли, рожа кирпича просит, пробивается ранняя просесть, оторви да брось, под лавку брысь, грязь да грызнь — скотская жизнь. Замордованная морда, замозоленные мозги, замороченные очи.

И если вдруг кто-то уберёт от прели свою прелесть и от удущья — свою душу и от ржи — свою наружность до возраста бальзаковского... что за чудотворный бальзам тому виной?

Разве только когда Главные Сволочи под аплодисменты когорты предынфарктников провозгласили новый курс, вошедший в разноязычные анналы под кодом «Peredelka», сволочанкам неожиданно захотелось быть красивыми. Даже многим мужчинам-сволочам. Интерес к Льву Толстому упал. Некрасивые люди временно похорошели — да вот незадача: хлебные запасы страны, как на грех, совсем истощились. И вот результат: в короткий срок, опять неслыханно подурнев, сволочи Львом Толстым подтирают анус: вместе с хлебом насущным исчезла и туалетная бумага.

Что же современным сволочам кушать-то? Каков ассортимент блюд? Извольте —

- ✓ Первые блюда: суп из топора, суп из куриных зуб, потом — суп с котом.
  - ✓ Вторые блюда: лапша на уши, берёзовая каша, собачина с цепью, ошейником и досками («пятый сорт, рубим вместе с будкой»).
  - ✓ Напитки: табуретовый самогон, тормозная жидкость, птичье молоко (говорят, что кур доят).
  - ✓ На десерт: трава лебеда, ягода бузина, кукиш с маслом, говно на палочке, самокрутка с маком, дырка от бублика с таким.
  - ✓ Приправы: нитраты, нитриты, гербициды, пестициды, собственные соки с повышенной кислотностью.
- Какая уж тут кровь с молоком, когда зубы на полке?

Такое обстоятельство: был ещё один хороший писатель, Достоевский. Он никогда не импонировал новым правителям страны — ещё бы, имел неосторожность во всеуслышание заявить, что красота — ни больше, ни меньше — «спасёт мир».

Женщина по имени Анна Клир вряд ли когда-либо всерьёз задумывалась о том, чтобы спасти мир. Просто с генами баламута-папы ей передалась активная нелюбовь ко всем последствиям Великого Катаклизма, к Главным Сволочам. И Анна подняла на щит — Красоту, и преданнейше служила — Красоте.

Её не смутил даже тот факт, что сограждане в конце концов сочли Достоевского тоже качественной туалетной бумагой. Поскольку вкусившие демократии и гласности сограждане, эстетствуя, не служили службу в храме Красоты, но Красоту пытались поставить себе на службу. Вместо того, чтобы к ней причаститься, они хотели ею — обладать.

Нет, нет, упаси Господи, Анна Клир не пыталась спасти мир. Она просто возделывала свой сад.

И сад Анну кормил. Потому что её гастрономическая политика зиждилась на рекомендациях ревнителей вкусной и здоровой пищи — Шелтона, Брэга и К°. Шелтон, Брэгг и К° категорически отвергали жареное, солёное, кофе, комбинации белков с крахмалами, разных видов белков, крахмала с сахарами и много чего ещё. Зато превозносили пареные овощи, натуральные соки, подножный корм (одуванчики-подорожники). Се суть эликсиры долголетия и жизнелюбия, говорили Шелтон, Брэгг и К°. И правоту свою подтверждали жизнью своей — в девяносто лет переплывали пролив Па-де-Кале и созерцали время от времени то чайку Джонатана, то Будду.

А коль скоро Анна была не прочь если не Па-де-Кале переплыть, то хотя бы Джонатана узреть, она ещё в относительно сытые времена со всей ответственностью подошла к организации надомной агропромии, самоучкой дошла до вершин агрономии, запаслась семенами на много лет вперёд. И треть сада сделалась огородом, а светлицы домиков-временок превратились в теплицы.

- С лёгким паром, — рассмеялась Анна.
- Спасибо. За мной пятак, — откликнулся Стефан.

Юный купальщик сиял лицом, сверкал зубами, пылал загаром и пел всеми фибрами души — этакий Тонио Крёгер. «Как водичка?», — спросила Анна. — «Ништяк водичка, мокрая. Appetit стимулирует. Волчий! Любой баланды три тарелки скушаю». — «Это ты моё угощение баландой зовёшь», — в шутку оскорбилась Анна. — «Ну что вы, вашего супчика — бочку одолею».

За обедом Конрад вдруг ни к селу ни к городу сказал, что у него-де гной в черепной коробке и в желудке дырка, и ему, дескать, каждодневно требуется как минимум литр парного молока. Жалобно так сказал, не по-мужски. Впрочем, развивая тему, обмолвился, что без мясной пицци мужчиной стать трудновато, а мясо он последний раз в тарелке сержанта видел, на первом году службы.

Подобный нудёж Стефан решил пресечь в корне. Довёл до сведения, что, во-первых, любые претензии к гостеприимным хозяевам суть моветон, а во-вторых... Во-вторых, хороший-таки писатель Лев Толстой, а он был вегетарианец. И очаровательная хозяйка из той же конфессии. Травоядение а) гуманно: аморально поедать братьев наших меньших, б) дешево: ни курей, ни поросей держать не надо, в) сердито, ибо пользительно. А что до молока, то оно придумано для новорожденных телят, а не для демобилизованных бугаёв, да плюс ещё ни с какими другими продуктами не сочетается. Правда Анна иногда покупает молоко у бабульки-соседки, но — под творожок и брынзу. Брынза с помидорами, да будет известно, пицца богов. Так что хочешь жить...

— Не хочу, — крикнул Конрад.

— ... слушайся компетентных людей.

— Да это так, мысли вслух, — нехотя покаялся Конрад. — Слопаю, что дадут.

И слопал. Даже Стефана обогнал. Потому что когда ел, был глух и нем. А Стефану даже волчий аппетит не мешал заниматься любимым делом: воспитывать невеж и просвещать невежд с высоты шестнадцатилетнего жизненного опыта.

Но Стефану не удалось другое — покочетничать с хозяйкой. Когда чудобед (рассольник, салат из капусты и проч.) был готов, Анна пошла наверх отнести профессору его порцию.

Пока возлюбленная дочь облачала хворого немощного отца в чистую салфетку, тот поспешил объявить, что по его стариковскому разумению, есть всеские резоны удовлетворить нижайшую просьбу бесприютного скитальца Конрада Мартинсена о предоставлении тому морально-политического убежища на территории фамильной клировской виллы. Ибо, во-первых, сей несчастный абсолютно безобиден и предсказуем, а во-вторых столь широкий жест с их, Клиров, стороны был бы в высшей степени нравственен и богоугоден, в-третьих — и тут выгода обоюдная — наконец-то постылое отшельничество отца и дочери озарится светом чужой бессмертной души.

Сильно омрачило преданную дочь Анну это признание. Чужая душа, думалось ей, — потёмки, да и остальные аргументы показались ей малоубедительны. Нет, не похож на агнца Божьего этот внутренний эмигрант: какой-то он

весь продырявленный, а на лице его лежит печать затаённого безумия. Общение с ним для отца скорее пагубно — уже прорисовывается душераздирающая тематика предстоящих бесед. Ну и наконец, нет средств содержать пансион с бесплатными обедами для отчаявшихся неудачников; слишком обременителен лишний рот, усатый и трудоспособный.

Вот-вот, с жаром подхватил профессор, то-то и оно! Мускульная сила бывшего солдата окажется хорошим подспорьем для одинокой фермерши, что день-деньской хлопочет и за садовода, и за огородника, и за снабженца, и за уборщицу, и за судомойку, и за плотника, и за повара. И за домашнего лекаря. Вертелось ещё на языке у профессора: «в тридцать один год и о паре подумать невредно», но он знал, как вспыхнут, как зардеются щёки дочери, и смолчал. Одинокая волчица среди волков, сторожевая собака при папе, покорная овца перед Богом — она ни в ком не нуждается...

Именно от этой мысли профессор, проживший жизнь свою на людях и для людей, распалился, раскипятился. Анна приложила к его сейсмоопасным вискам мокрое полотенце. И так жара невыносимая. Профессор, красный и потный, настаивал на положительном решении вопроса с таким благородным негодованием, что казалось — вот-вот лопнет старый филантроп, испустит дух и рассыпется в прах. А когда любимые отцы рассыпаются в прах, любящие дочери почему-то не любят.

— Пап, милый, ты совсем забыл про рассольник, — в рот профессора ткнулся носик поильника.

Тем временем Стефан просвещал Конрада:

— Некстати заявиться изволили. У нас траур.

— Траур... В честь чего?

— Всего четыре дня, как хозяйская дочь погибла.

— Но...

— А что, у хозяина не могло быть две дочери?

(«Мда. Могло. Хоть три. Другое дело, что такие головастики обычно вообще бездетны»).

— Да... Да... Я не знал, прости... В таком случае — действительно некстати...

(«А в любом другом случае — кстати, что ли?»)

— Я тогда... пойду, наверное... Поеду, то есть...

— Нет, погоди, братишка. Отдельный люксовый апартамент с видом на голубую ель. Уже постелено — не на скатке же спать, бельишко свежее, белоснежное, прям из-под целочки... Кормёжка трёхразовая, диетическая, для язв и циррозов пользительная.

— Да нет, неудобно как-то. Явился как снег на голову, незванный гость, хуже этого самого...

— Ну уж, ну уж, а глазки-то блестят, а губки-то раскатаны, а слюнки-то текут... Назвался груздем — полезай в это самое... Али слабó? Ссыкло ты, солдатик, ай-яй-яй, не по уставчику... Трибунал по тебе плачет, аж зубками скрежетет... Ну и бес с тобой. Короче: одну ночь переспать придётся — обратного

пути нетуть. Приказ, понял? Переспишь — и канай на все четыре, нужен ты тут как это самое прошлогоднее, понял?

— Пробную ночь? В порядке испытания? — просипел Конрад, стараясь хоть как-то подладиться под несносный тон молокососа. — В комнате с рептилиями и...

— А классная идеяка, блин. Так тёте Анне и передам. Чё напрягся-то, а? Уж не обделался ли часом? Нет уж, за гадами на болото бежать придётся, в лом, далёко. А вот с призраками — устроим. Эти сами явятся. Девочки кровавые в глазах и это самое...

— Что ж ты кощунствуешь? У людей вон горе, а ты...

— А я чё? Я ничё. В меру своей испорченности воспринимаешь. Может ты каких других призраков видеть жаждешь? Сейчас созвонюсь с Иствикскими ведьмами, они тебе... Да не ссы, тебе просто под дюжину перинок горошинку подсунут — мало не покажется!

Погибла. Неудивительно. Нынче своей-то смертью мало кто умирает, а ля гер ком а ля гер.

Но вот что странно: нигде он не видел ни траурного портрета, ни цветов. Конечно, ему показали далеко не весь дом. Но вообще-то, в такой день близкие родственники отходят от поминок. А тут...

Уютно поскрипывали половицы, тянулась анфилада комнат. Конрад семенил за Анной, задыхаясь от стыда и счастья, бормоча одно спасибо за другим спасибом, а та, не поворачивая головы, шла впереди, потрясая воображение безупречной прямоотой спины и королевской чеканкой шага.

— Прошу вот сюда, — сказала Анна, отворяя дверь.

Чёрный кожаный диван прадедовских времён, над ним — политическая карта мира; вышитые гладью подушки; кривоногие набивные пуфики; книжная полка с многотомной энциклопедией начала века — на корешках загадочное: «Византия по Гадамес», «Пуль по Саль», «Чухотка лёгких по V». Лакированная фигурная тумбочка; письменный стол, накрытый зелёной бумагой; пустая чернильница; перьевая ручка на подставке; древнее пресс-папье; деревянная резная статуэтка — крючконосый царь птиц расправил необъятные крылья и собрался взмыть аж в стратосферу; на окне — две пары занавесок — марля и хлопок; старинный термометр, градуированный по Цельсию и Реомюру.

— Располагайтесь. Я ещё не успела здесь убраться, но чтобы вам не дышать пылью, я дам швабру.

— Да подыщу...

— Я вам дам швабру.

И, непреклонная, тут же сообразила швабру и ведро. Оставшись один, Конрад, вместо того чтоб идти за водой, отодвинул их в угол, шмякнул об пол рюкзак, а сам шваркнулся на диван.

И час на нём пролежал.

Наконец, он принялся расшвыривать по невымытому полу своё барахло. Вот что содержал рюкзак Конрада (в порядке появления):

1. пара носков;
2. трусы семейные, в цветочек;
3. шесть пачек сигарет и пачка табака в полиэтиленовом пакете;
4. тёплый свитер грубой вязки;
5. драная трикотажная майка;
6. полусъеденный, полузацветший каравай чёрного хлеба;
7. штаны от тренировочного костюма (с большой дырой в паху);
8. двенадцать магнитофонных кассет в коробке из-под вермишели;
9. справочник «50 лет отечественному регби»;
10. зелёная рубашка с белыми разводами под мышками;
11. топорик с полусгнившим топоричем в замурзанном чехле;
12. том Шопенгауэра на не нашем языке, по краям сплюсненный;
13. крошечная пластмассовая банка (на донце осталось чуть-чуть соли);
14. клеёнка;
15. номер толстого журнала десятилетней давности;
16. растрёпанный карманный словарь чужеземного языка (без обложки);
17. кассетный магнитофон туземного производства;
18. новенькая амбарная книга с единственной записью (на обложке) — «Книга Легитимации»;
19. ещё четыре пары носков;
20. армейская шинель-скатка (неправильно скатанная);
21. непонятного назначения рогожа одиннадцатиугольной формы.

По маленьким кармашкам были также распиханы: мыло; шариковая ручка с вытекшей пастой; измазанная в этой пасте зубная щётка; перочинный ножик; моток чёрных ниток с иглой; обёртка из-под каких-то таблеток (без самих этих таблеток); бритва-станок.

Вновь зашла Анна, молча посмотрела на груды вещей на полу, на скользящую в углу швабру, так же молча положила на край дивана комплект постельного белья и так же молча вышла.

Просидев не шелохнувшись ещё полчаса, новосёл проверил, закрывается ли дверь. Да, щеколда имелась. Больших трудов стоило Конраду задвинуть её, но ничего, справился. Удовлетворённо вздохнув, он вновь прилёг на диван, расстегнул молнию на штанах и выпростал своё мужское сокровище.

И ещё где-то полчаса потребовалось, чтобы гордый, сочный победоносный фаллос превратился обратно в мокрый сморщенный бесхребетный пенис, гаденькую беспомощную болталку.

Тут Конрада клюнуло: в наказание за леность могут оставить без ужина. Мытьё пола в его исполнении заняло ещё полтора часа, и в результате за стол он сел один. Рядом стояла Анна, давала руководящие указания, но половина их прошла мимо руководимых ушей.

На сон грядущий решил Конрад послушать музыку. Любил он под музыку для полного кайфа пропустить сигаретку. А коль скоро Анна запретила ему курить в доме — вставил кассету, взял магнитофон под мышку и побрёл в дальний угол сада.

Росла там голубая ель. Стояла под ёлочкой скамеечка. Уселся Конрад. Не подозревая, что за ним следят.

Нажал Конрад кнопку — аппарат ноль внимания, фунт презрения. Нажал ещё раз — аппарат ни тпру ни ну. Потряс аппаратом — а тот не мычит и не телится. Конрад, разгневавшись, кулаком по нему треснул — аппарат вконец обиделся и фигу показал.

Руки в карманы, носки врозь, корпус назад, уголки губ вверх — считаем, сколько спичек истратит Ишак С Педалями на зажигание одной сигареты. Ветер слабый, от силы метр в секунду. Чирк, ещё чирк, матерное слово, опять чирк. При четвёртой попытке Стефан начал считать вслух.

Услышав «четыре», Конрад съёжился и заёрзал.

— В армии пришлось натерпеться из-за неумения обращаться с огнём, — он виновато потупился, а Стефан протянул ему зажигалку.

Стефан был очевидно вдвое моложе. Следовало изменить тон беседы.

— А ты чего тут?

— Я тут не «чего», а на законных основаниях, — гласил ответ.

— Родственник?

— Знакомый.

— А-а... Мм... — прореагировал Конрад и пустил дым из ноздрей. Пошмыгал. Покряхтел.

— А ты чей такой будешь? — спросил Стефан, игнорируя тот факт, что моложе вдвое.

— А ничей. Вне традиции, — Конрад уповал на то, что зарвавшийся тинэйджер таких немодных слов не слыхивал.

— Вот как? Без традиции негоже, — эрудированный щенок попался. — Что? Стоп машина? — он показал глазами на безжизненное тело магнитофона.

Конрад тряхнул головой.

— Дай-ка.

Стефан по-хозяйски сунул в рот сигарету, пощёлкал клавишами, посмотрел батарейки. «Совсем новые», — растерянно пискнул Конрад.

— Отставить панику. И не таких в чувство приводили, — веско произнёс Стефан и прижал к груди чудесный ящик, отказавшийся творить чудеса.

В сгущавшихся сумерках таял этот изнурительный бесконечный день. Всё слабее давил пресс раскалённой атмосферы, всё легче становилось бремя потогонного зноя, всё мягче дурмящий запах трав. Смежали веки цветы, вздох облегчения прошёл по кронам деревьев. Тускло загундосило комарьё.

Спасаясь от крохотных кровососов, большие сообразительные двуногие тщательно растирались специальными мазями и расползались по своим щелям и норам. Спокойной ночи желали им закатные небеса, приятных сновидений.

Профессор Клир заглотнул последнюю пилюлю с ласковой лакомой ладони дочери и думал было задать праведного храпака, но где-то в безднах его трухлявого организма хрипели, пыхтели, кряхтели незамоленные грехи. В мучениях засыпал старый диссидент.

В отведённой ему комнатёнке, при свете ночника колдовал над кассетником Конрада Стефан, одержимый идеей превратить неуклюжий агрегат в современную стереосистему. Томик научной фантастики с небрежно засунутой закладкой звал пылкие пытливые умы к дерзаниям и свершениям.

А хозяин кассетника правой рукой рассеянно листая регбийный справочник, как-то нехотя шарил левой под одеялом и в расплывающемся сознании удерживал образ хозяйки дома.

Стало уже совсем темно, светила надкусанная луна, отчётливо прорезались контуры созвездий. Усталость одолевала похоть, сон одолевал похотливца, и не то чудились, не то взаправду плавно лились в приоткрытую форточку медовые звуки — вроде виолончели.

2. АЛЬРАУН И БУРУНДУК

Спозаранку меднорожее солнце с упорством прожжёного заматерелого альпиниста, незлобно матерясь и широко лыбясь, опять закарабкалось к зениту. Замахавшись заискрившись меж дубовых ветвей, лучиком-ручкой фамильярно замахало Anne, заядлому «жаворонку» — диета, физкультура, здоровый труд на свежем воздухе позволяли ей высыпаться за четыре-пять часов. И виртуозными белькантовыми руладами женщина-жаворонок приветствовала милого друга — как возлюбленного, как равного. Свой парень солнышко, свой в доску... Ну для кого как — чем выше забиралось шепутное светило, тем нахальнее себя вело. Вот пробудился Стефан — и оно слегка нахамило ему, пустив на его новенькие сборные гантели каких-то шизовеньких зайчиков. С профессором оно уже не заигрывало — смотрело на него явно свысока — дескать, шапку долой, старый хрен, не много раз тебе ещё посчастливится мне лицезить, а ну давай, благоговей и млей. Ну а уж когда продрал глаза Конрад и стараясь не вслушиваться в скорбный скрип несмазанного желудка, выбрался на крыльцо поиметь первую сигарету, солнце обнаглело совсем и принялось живьём поджаривать беднягу, не желая снисходить ни до какого диалога. Высоко оно, дерзновенное, забралось; жгучими дерзостями ответила угодливому кашлю ничтожных человечешек.

— Ого-го! — свидетельствовало солнце. — Славен наш Господь в Сионе!

И нестройно, чуть фальшивя, всяка мелка козявка и всяка тонка былинка на жалобных ультразвуках запищали осанну.

Утробная песнь Конрада в общий хор не вписывалась. Он пошёл на террасу, чтобы как можно вежливее справиться:

— Нет ли чего похавать, хозяйюшка?

А хозяйюшка уже распелась, умылась, зубки почистила, сделала зарядку по системе Ивана Бодхидхармы, постирала, погладила, завтрак стоговила, батюшку накормила — теперь ковырялась во саду ли, в огороде. На террасе Конрада дождался остывший завтрак, накрытый тарелкой — овсянка с ягодами, «завтрак дипломата» называется. Конрад не знал, как называется, а то бы и есть не стал.

Преодолев отвращение, Конрад проглотил гадкую кислую размазню без соли и сахара, отплевался, откашлялся и отправился на рекогносцировку.

Иоганнес и Анна Клир владели солидной территорией чуть ли не в полгектара — сто метров в глубину, в поперечнике сорок пять. Досталось это счастье в наследство от одного из профессорских тестьёв — тоже профессора и, кажется, академика. Не сосчитать, сколько завистников зарилось на эти полгектара, сколько ответственных работников пытались урезать их до положенных шести соток, но три поколения хозяев сплошь были публика энергичная и влиятельными друзьями не обделённая. А нынче, когда иссякли и влияние, и энергия, целый комплекс факторов бережёт эту благословенную землю: проблемы у людей другие, возни с большими участками невпроворот, снабжение в этих краях непотребное... ну и без руки Всевышнего не обходится.

Конечно — экологическая ситуация здесь хоть и покамест, да тьфу-тьфу! Щебечут пташки, стрекочут мошки, урчат лягушки — помнишь ли ты эти голоса, Конрад? У бронетранспортёров другие голоса...

А вон, слева от крыльца разбиты клумбочки, а на клумбочках кто-то по чёткому плану шести- и восьмиугольниками выложил разноцветную мозаику, и цветочки как на подбор, такие ладные, такие симпатичные. И ведь за ними кто-то ухаживает — земельку рыхлит, удобряет, поливает и плёнкой, если надо, покрывает... Кстати — как эти цветы называются, Конрад? А Бог их знает...

Справа же прямостоячий кустарничек, именуемый жасмином, о чём Конрад тоже не имеет понятия; а подле вон той, свежевыкрашенной лавки (зелёные полосы навсегда запечатлелись на штанах Конрада) зреют ягодки черноплодной рябины, и этого он тоже не ведаёт. А вон тут уже высыпали ягоды зелёные и твёрдые, твёрже зрелого гороха. Спаржа называется. А у самого крыльца кусты такие белые-белые, и амбрэ у них такое приторно-приятное — и опять же невдомёк Конраду, что это сирень: он-то уверен, сирень по определению сиреневая.

В глубине сада прячет лицо под густой вуалью плюща полуклассическая, полукитайская беседка, из тех, в которых сто и двести лет назад прятались от деспотичных бдительных мамаш жеманные барышни и, прижимая к глазам надушенный батист, с замиранием сердца смаковали оброненную вертерами или дубровскими записку. На это хватало фантазии у Конрада, вот только растение плющ он не идентифицировал — плющ должен быть сплюснутый, а раз вьётся, значит должен быть вьюн. Несколько позже в толковом словаре он к вящему изумлению прочтёт, что вьюн есть мелкая рыбёшка, а дальше по алфавиту следует вьюнок, который-таки растение — только совсем не это.

Кривенькое деревце с многопальными чешуйчатыми листочками есть, как выяснилось впоследствии, туя, редкий гость в краях нашенских. Неказистая она и высоченная двуствольная голубая ель представляли собой главные раритетные деревья на участке. Между ними были насыпаны крутогорбые камни, как в ботанических садах — чего Конрад, не будучи ботаном, опять же не ведал.

Далее справа от дорожки простирался огородец, главный кормилец местных жителей. Что на нём росло, Конрад не понял, да и рановато было для всхода вершков.

Между грядок на корточках ползала Анна. Волосы закрывали ей лицо, и она Конрада не заметила.

— Доброе утро, — попытка громко крикнуть, но звук, который уже раз совершенно не пошёл. Потоптавшись на месте, Конрад решил, что от второй попытки целесообразно отказаться вовсе.

И прежние хозяева, и сами Клиры пестовали свои здоровые тела, чтобы не испарился здоровый дух, и тут был сооружён маленький стадион: турник, где стойками служили стволы деревьев; брусья; самодельные тренажёры. Конрад подошёл к одному из них, потянул на себя пружину и сразу же пожалел об этом: как-никак почти полгода наступало после дембеля.

Что здесь Конраду понравилось, так это густые заросли папоротника вдоль забора — этого ветерана эволюционного движения он почему-то признал.

Здесь вообще вспоминалось, что корни наши в докембрии, что папоротник — наш прапапа, и прамама — мамонт, и дай Бог, чтобы из наших органических останков лопух вырос широкий и сочный.

Да, в общем, Конрад попал туда, куда хотел.

Он неспешно побрёл обратно.

А ещё на участке Клиров было до фига различных времянок. Одна из них оказалась кладбищем механизмов. Его содержимое удовлетворило бы запросы целого рабочего посёлка в запчастях. (Кстати, Анна не гнушалась «толкать» нуждающимся в оных когда то, когда это, когда через знакомых барыг, когда и сама)

Сыновья клировского тестя, «технари» (один дотла сторел на работе, другой перебрался в другое полушарие) маниакально стаскивали сюда рухлядь со всяких помоек и складов — списанные телевизоры, разбитые мотоциклы, раздраконенные компьютеры — и в кратчайшие сроки реанимировали их. Умелых рук и смыслёной головы посредством.

Да и сам профессор во время оно, до всяких оттепелей свой трудовой путь начинал слесарем, горбатился на Великих Стройках и даже факультет прикладной физики закончил, а после прикладывал куда ни попадя свою физику, не стесняясь призрака отца своего, теоретика-лингвиста, почём зря загубленного на лесоповале. Однако гуманитарные гены таки взяли своё, и прежде чем встать на скользкую правозащитно-диссидентскую стезю, Иоганнес Клир переквалифицировался в историки (когда ещё было возможно легальным путём получить два высших образования).

Ну а сейчас, когда профессору и подавно не до распределов и микросхем, в сарае хозяйничает Стефан. День-деньской сидит он там, верхом на раскалённом паяльнике, и всё подряд ремонтирует. С его появлением в доме Клиров начались чудеса: загорелись лампочки, зарокотал холодильник, встали на место покосившиеся двери. Пришёл бы в себя и телевизор, только Стефан до него пока не добрался — он ведь и на себя работал: эквалайзер уже собрал, например.

Сидит Стефан, азартно ковыряет инструментом, и вдруг видит: шкандыбаёт по дорожке вчерашний Ишак С Педалями, такой же скорби исполненный, горем убитый.

— О! Какие люди! — заголосил Стефан. — Как почивать изволили? Петушки давно пропели.

— Здравствуй, — сказал Конрад с видимым неудовольствием.

— Что мы такие кислые-распечальные? Ан случилось что? Мышки спать не давали?

Конрад беспомощно переминался с ноги на ногу.

— Ну не плачь, дядя, я тебе игрушку сделал. — Стефан проворно нажал клавишу конрадова магнитофона, и тот вполне чисто и достаточно громко заиграл доисторический шедевр полузабытой группы «Дорз».

— Спасибо, — только и мог вымолвить Конрад.

— На «спасибо» не опохмелишься. Ну да я великодушен и большего не требую. — (Конрад протянул сигарету без фильтра, но Стефан отвёл его руку и сам угостил клиента сигаретой «Верблюд» по лицензии фирмы «Кэмел»). — Да там делов-то всего было: транзистор заменить да головку протереть... Я думал музончик твой заслушать, да только всё старьё такое, отстой, уши вянут. А ты «Флайинг кондомз» или Зейнаб Фортюно часом не держишь?

Конрад таких не держал. Этих суперстаров нахваливали первогодки в армии, и было ясно, что дерьмо непотребное, но сказать об этом вслух язык не поворачивался: с мистическим ужасом взирал Конрад на всемогущего тинэйджера — этот желторотый шибзик как-никак обладал неким эзотерическим знанием о процессах, происходящих во чреве самодвижущихся электронных монстров, оставшихся для Конрада ужасной в своей непознанности тайной.

Много слов хранит голова, привычная к кроссвордам, да вот только как бы соотнести их с предметным миром? Вот что это за страхолюдная бомбища является у полураскрытой двери сарая? Нешто это трансформер? Или трансформатор? Конрад только трансформаторную будку смутно мог себе представить.

— Приятный у вас садик, — он попробовал сменить тему.

— Да, да, — сказал Стефан. — Клёво тут. Если учесть, что хозяйка со всей фазендой одна управляется, отпад полный.

— Одна?

— Ну, меня вот запрягли. И прошлым летом мы с сеструхой помогали. А сейчас сеструха в столице закрутилась.

— Мда... мгм... а... послушай, садовод... а что во-он там? — Конрад показал в сторону клумбы.

— Где?

— Ну такие... фиолетовые, круглые...

— Це примулы, — важно объявил Стефан.

— А вот это?

— Да це ж флоксы, — Стефан, как положено знатоку, надул щёки.

— А это?

— Сие есть в своём роде знаменитое растение ирис. Не путать с конфетами. Конрад понимающе шлёпал губами и тут же забывал, что как называется.

— Да тут вообще заповедное такое местечко. Не всё ещё потравить успели. Слышь — птички. Где ты ещё услышишь птичек? У нас вон даже белки водятся.

Ну да, белки — не от слова «белые». Рыжие; ушки с кисточками.

— А урла у вас водится? — вдруг спросил Конрад.

Стефан цокнул языком — впервые из уст Ишака С Педалями прозвучал дельный и резонный вопрос.

— Плодится и размножается, — он смачно харкнул.

— К вам поди лазают?

— Когда я здесь, не лазают. Мой авторитет их парализует, — пошёл выёживаться Стефан. — А в прошлом году только я свалил — тётушке Анне одни корешки оставили, верхки с собой унесли. Зачем, думаю? — Не подругам же дарить...

— А вы капканы ставили? — спросил Конрад.

Это было задумано как острова, но Стефан решил, что занудливый гость после секундного озарения опять впал в маразм.

— Боюсь, в этом году тоже всё прахом пойдёт. Опять пожалуют, разляляи, — задумчиво сказал он, скорее сам себе.

— Значит, некому, говоришь, работать? — Конрад попытался поймать верный тон.

— Ась?

— Работать некому, говорю.

— Да ты зенки раскрой — в доме разруха. Каждая дощечка требует капремонта. Хозяйка одна это не подымет. Так что засучивай рукава, впрягайся. Тут руки нужны. Умелые мужские руки. — И выставив вперёд ловкую длинную кисть, стал загибать музыкальные пальцы. — Забор чинить. Умеешь чинить забор?

— Не умею чинить заборы.

— Непохвально, — покачал головой Стефан и загнул указательный палец. — Шифер менять. Умеешь класть шифер?

— Не умею класть шифер.

— Это минус. Электропроводка никуда не годна. Умеешь чинить электропро...?

— Не уме... На это электрики есть.

— В век электричества каждый должен быть электриком. Недочёт в воспитании, — средний палец прижался к ладони. — Яблоньки надо окапывать. Копать можешь?

— Да. Ещё могу не копать, — слабая попытка сопротивления с целью поставить точку.

— А мусор выносить умеешь?

— Ещё как.

— Во-о! А как насчёт дырки в газовых баллонах запаять?

— Не знаю, не пробовал.

— Стыдно, в ваши-то года, господин вне традиции, — осклабился Стефан, переходя на учтивое «вы». — Пока я жив, имеете шанс пройти ликбез...

— На хера мне твой ликбез, — вяло и виновато возмутился Конрад и даже стал было объяснять, почему такой ликбез ему ни к чему, но запутался и махнул рукой.

— Во-о, — мурлыкал Стефан, засовывая руку в какой-то ящик. — Первый курс: забивание гвоздей...

— Лбом, — сказал вдруг Конрад, а почему — сам не понял.

— Не... лбом не надо. Гвоздик погнётся, расплющится... Молотком, как вы убедитесь, не в пример эффективнее.

— Козёл ты козёл, братец! Где ты был раньше?

— Ых, ых, экие мы сердитые. Грешно злоупотреблять гостеприимством. Тёте Анне пожалуюсь, что вы меня забижаете, тётя Анна пистон вам вставит, ей лишний рот не нужен.

Конрад трясуцимися руками стал заколачивать гвоздь в какую-то досточку, через раз попадая по шляпке, но почему-то и пальцы не задевая.

— На троечку с минусом натянем — вариант не безнадежный, чувствуется заквас бравого солдата. Ещё гвоздик, будьте добры... Повторенье — мать ученья...

Так они ковырялись ещё долго, и Стефан начал всерьёз уставать от бестолковости великовозрастного ученика, от его несурзных дёрганных движений, невопадных реплик и невидящего взгляда затравленного тушканчика. Он уже сам был не рад своей затее и хотел послать горемычного неумеху куда Макар телят не гонял, но от этой печальной необходимости его избавила Анна, крикнувшая с террасы: «Мальчики, обедать!»

Мальчики вымыли порядком испачканные руки и собрались вкушать трапезу. Но и тут Анна отвлекла их внимание.

— Стефан, ты собрался на северный полюс?

Во как — а Конрад и не заметил, что Стефан весь день проходил в свитере, натянутом до самого носа; с волос, старательно начёсанных на лоб, нескончаемыми струями стекал обильный пот... а Конрад думал — так и надо.

— Лишний вес стоняю, — ответил Стефан.

— Какой там у тебя вес... Э... что это? — Анна протянула руку, Стефан попытался увернуться... — Да не бойся ты, — успокаивала Анна, заглядывая ему под чубчик. — Что ж ты такой паршивый?

— Я-то хороший. Парша паршивая.

— Раздевайся.

На горячем лбу Стефана, на шее, на мускулистом торсе полыхали пятна омерзительных лишайных наростов. Грубая шерсть свитера растёрла их так, что кое-где начинал сочиться гной.

— Ты сказать не мог? Господи... что ж это такое? Откуда?

Зацарапался слабенький голосишко Конрада:

— Купался?

— Было дело.

— В какой-нибудь серной кислоте купался. У нас в роте четверо из самоволки такими вернулись. Слазили в травленный прудик.

— Да что вы ерунду... — перебила Анна. — В нашем пруду сколько купаемся, ныряем — и живы-здоровы. Здесь у нас уникальная экологическая обстановка. К нам за тысячи вёрст люди приезжают.

— Ваш экологический уникум не накрыт стеклянным колпаком. Вчера уникуму, завтра такая же помойка, как везде.

Анна возразила, что сама купалась ещё третьего дня, и Конрад не стал настаивать на своей версии, тем более, что бесполезной трескотнёй Стефану уже не помочь. Анна предложила бедняге сходить к старушке-соседке: во всём, что касалось медицины, Анна ей доверяла.

И Конрад откушал опять в одиночестве. А затем на цыпочках прокрался наверх, как можно тише чуть приоткрыл дверь комнаты Профессора и глянул в щёлочку: действительно ли у того мёртвый час, согласно предписанию Анны? Старик, вместо того чтобы спать, нацепил на нос очки и вертел в руках газету. Конрад отворил дверь пошире и юркнул в комнату.

Так или примерно так начинался роман «Остров Традиции» в конце 80-х годов. В третьем тысячелетии он так начаться не мог бы.

— Здравствуйте, здравствуйте... Ну что, обживаетесь у нас?

— Обживаюсь. Только вот никаких приказаний касательно садовой деятельности...

— Анна первая приказаний не даст. Она к саду относится ревниво... Ревностно, то бишь. Вы бы сами посмотрели, что где приложения труда требует... Или Стефана вон спросите — он у неё доверенное лицо.

— Увы, я вряд ли пойму, что именно требует приложения труда. У меня никогда не было дачи.

— Счастливцев вы... Знаете, не было у бабки хлопот — да купила порося. Хотя пока я не слёг со своей хворобой, любил я переключаться на здоровый сельский труд... Погорбатишься на сельскохозяйственной ниве — и словно воскрес к новой жизни, и мозги словно растуманились. Вот и вы, дитя города, ну-троем почувяли, что ближе к земле перебираться надо.

Конрад на это ничего не сказал. Он рассеянно осматривал небольшую келью старца — здесь ничего не напоминало о его академическом прошлом. Только ворох начинающих желтеть газет в углу — а так главной достопримечательностью были столик с лекарствами и переделанный в стульчак стул, на который без дочерней помощи не мог взобраться Профессор.

Поэтому Конрад принялся дежурно расспрашивать Профессора о его здоровье. Тот разговор не поддержал, отвечал односложно — словно показывал, что собственное здоровье интересует его столь же мало, сколь и визитёра. Ибо понятно было, что не здоровьем старика был тот озабочен, а чем-то иным.

Профессор даже перехватил инициативу в разговоре и снова осведомился о том, каковы обстоятельства постояльца и насколько тот нуждается в крове.

Тот ответил, что мать его — пианистка — давно почилa в Бозе, а отец — бывший редактор телевидения — туберкулёзом болен и за бугром, в горном климате здоровье поправляет. Впрочем, отец давно с матерью в разводе, связь почти прервалась. А приткнуться Конраду нынче некуда — пока отдавал долг Родине, злые люди обманом завладели квартирой.

Профессор искренне выразил сочувствие. Но в особенности он заинтересовался отцом Конрада и стал вычислять, не могли ли они быть знакомы, но оказалось, что нет — тот был редактором программ детского вещания, которую нынче всецело подмяла под себя музыкальная редакция, так как только попса способна дать адекватную путёвку в жизнь младому поколению. Поохали-поохали касательно заполонившей эфир бездуховности и потихонечку съехали на тему, любезную разуму Конрада, ради которой он и проделал путь из столицы в глухомань, далёкий и опасный.

— Господин профессор, вы ставили диагноз посттоталитарному обществу. Теперь не то что диагноз — даже патогенез любому Ёжику понятен. Разумеется, корень Зла — Великий Катаклизм; удобрение, чтобы в рост пошёл, — вулгаризованный марксизм, обобществление всего и вся, лишение человека всяческой инициативы и ответственности за плоды своего труда...

— Можно и глубже копнуть, — подхватил Профессор. — Марксизм имел три источника: утопический альтруизм, гегелевский рационализм и приземлённый материализм. Если уж кого и тягать к ответу, то Жан-Жака Руссо с его «человек добр» и Фрэнсиса Бэкона — пионера «религии человека».

— Вот-вот, до самых истоков дошли, — согласился Конрад. — Но со времён Фрэнсиса Бэкона кое-что на белом свете изменилось. Причины успели дать следствия, и следствия сами успели стать причинами.

— Они и стали причинами, — сказал Профессор. — Отсутствие собственности породило всеобщий пофигизм, уравниловка — ненависть к богатству. Поэтому надежда на то, что в этой стране можно внедрить нормальные рыночные отношения, не оправдалась.

— Более того, — напомнил Конрад. — Сразу началась война за новый передел собственности.

— Чрезмерно радикально повели себя наши недавние главнятки, вот и разгорелась бойня, — посетовал Профессор.

Конрад решительно сократил дистанцию:

— Так ведь наша радикальная пресса подстрекала и подзуживала!

— Медлить тоже нельзя было, — возразил Профессор. — И если бы идея внедрения рынка была реализована с умом, а не через задницу, войны можно было бы избежать. Но они провели грабительскую ваучеризацию, вместо того чтобы всех сделать собственниками...

— Они иначе и не могли, — торжественно возгласил Конрад. — Хищники делиться не привыкли. А вы помните, Профессор, что эти хищники были избраны демократическим путём, в результате всеобщих выборов?

— Ну что делать, если главные критики режима оказались наибольшими рвачами и хапугами? — тяжело вздохнул Профессор. — Каюсь, я сам с ними якшался, программы им писал. Не тех мы выбрали.

Конрад всем телом подался вперёд, почувяв шанс оседлать любимого конька:

— А позвольте спросить — можно ли в принципе было избрать «тех»? Не кажется ли вам, что главное следствие Великого Катаклизма — износ человеческого материала, который, в сущности, и загубил все ваши реформы?

— Кажется, — признался Профессор, не чуя подвоха. — Ведь на повестку дня коммунисты поставили создание «нового человека» и преуспели в этом.

— Ну!..

— Вы хотите сказать... «новый человек» оказался не готов к демократии?

— Нет, я хочу сказать, что он идеально оказался готов к войне всех против всех.

Конрад посмотрел на Профессора испытующе.

— На это я вам вот что скажу, молодой человек, — Профессор только-только заподозрил неладное. — Знаете слова Новалиса: «То, что было построено революционным путём, может быть разрушено тоже революционным путём»? Так если вспомнить, какая была после Катаклизма развязана лютая гражданская война и сколько народу на ней полегло, придётся смириться с тем, что и сейчас прольются реки крови.

Конрад хлопнул в ладоши:

— А нужны ли тогда вообще были Переделка, Гласность, Демократизация? Всё то, за что вы так ратовали?

— Обществу нужно движение, — ответил Профессор с некоторой горячностью. — Любой застой чреват обильным кровопусканием. Рано или поздно должно было прорвать... Не мне вам объяснять, что если бы диктатура не встала на путь реформ, эффект был бы тот же. Только агония дольше. Я понимаю, вы, как и всё наше население, склонно во всём винить диссидентов...

— Уж я-то их винить не собираюсь. Я сам — диссидент похлеще многих.

— Ишь ты!..

— Но хотите ли узнать, как я стал диссидентом?

— Небось вражьих радиоголосов наслушались?

— Ничего подобного. У нас дома не было нужного приёмника. Тем не менее к тринадцати годам я уже возненавидел совдепскую власть лютой ненавистью.

— Интересно, интересно... — задумчиво сказал Профессор. — Я-то первое несогласие с властями проявил лет в двадцать пять. При этом какой я диссидент? Так, фрондёр. Две диссертации защитил, работал по любимой специальности, работу не терял, не говоря уж о том, что не сидел. А вы себя таким гордым званием именуете!

Конрад обиделся:

— Книжки читал, сравнивал с реальностью и видел ложь. В книжках всё было про архигуманные «законы пионеров»...

— Вы ещё вспомните «Моральный кодекс строителя коммунизма»...

— ... а в жизни — в школе, во дворе, в пионерлагерях я на каждом шагу сталкивался с эксплуататорами и экзекуторами.

— Звери-воспитатели, людоеды-учителя? — понимающе закивал Профессор. — Вся система образования строилась на подавлении личности...

— Нет, — замотал головой Конрад. — Мою неразвитую личность подавляли люди неполномочные и нечиновные. Такие же пионеры — чуть постарше либо сверстники чуть покрепче...

Профессор к такому повороту оказался готов:

— Каков поп, таков и приход...

— ... Вне дома приходилось постоянно быть в полной боевой готовности: отовсюду можно было ждать сюрпризов, — почти закричал Конрад. — Сверху тебя могли бомбардировать тухлыми яйцами, из-за угла — натравить собаку, спереди — швырнуть в лицо бронебойной ледышкой, сзади — ни за что ни про что подставить ножку, отвесить подзатыльник, толкнуть с лестницы, уколоть исподтишка булавкой. Недели не проходило, чтобы, угрожая побоями, незнакомая шабля не вымогала у тебя двугривенный...

— А что вы хотите, — перебил Профессор. — если каждый третий наш соотечественник прошёл через лагеря. Лагерная мораль инволютировалась в быт, в повседневность. Сильный реализует право сильного и гнобит слабого. «Умри ты сегодня, а я — завтра»...

— Вот! Вот! — Конрад словно этого и хотел. — Живя в столице, я чувствовал всюду запах лагеря. Враждебность человека человеку — вот что я впитал сызмальства. Злобен наш гражданин к ближнему — вот что в нём воспитали-то.

— Да, но знаете ли, рыба, как известно, гниёт с головы... — примирительно сказал Профессор.

— Будет вам! — Конрад перешёл к главному. — Давным-давно сгнила голова. А вот как там хвост? Что, приятно пахнет? Или регенерирует? Как не так — хвост уже сгнил, последние уподобились первым. А теперь скажите — способна ли самая здоровая, пусть архигениальная голова восстановить давно истлевшие прочие части тела?

— Отличная отговорка для того, чтобы вообще ничего не делать и пускать всё на самотёк! — Профессор поморщился.

— Я не призываю пускать на самотёк, — отрубил Конрад. — Просто обращаю ваше внимание: коммунистический Дракон давно одряхлел и впал в маразм, но из его давно выпавших зубов уже народились молодые крепенькие Дракончики. Они к настоящему моменту вступили во вполне зрелую пору и клацают зубами в предвкушении поживы... уже поживляются.

— Ну что ж, в наследство от рухнувшего режима нам достался homo soveticus. Только вот мне кажется, не те его черты — определяющие. То, о чём вы говорите, — взрывки воинствующего мещанина, который всех хочет скроить по своей мерке, — беззлобно сказал Профессор.

— Помилуйте, какого мещанина?.. — взъерепенился Конрад. — Фокус именно в том, что в нашей стране вообще нет мещанства!